

Ночь.

Полно томиться, душа одинокая,
Полно терзаться тоской,
Ночь туманная, ночь глубокая
Слишком темна над тобой!
Долю до утра, душа одинокая,
Вряд ли дождешься зари,
Вряд ли забрежет, она светлоокая,
Скоро в беззездной дали!
Слишь кака гады шипя изи-
ваются
Средь полузысих пней—
С дьявольским хохотом совы
виваются
В тьме добычи своей?
Видишь, как в туши на небо слу-
чаются
Все затянули кругом?
Не над тобой ли онь собираются
Плакать ходячим дождем?
Полно томиться, душа одинокая,—
Солнышка ясна ждат,
Прежде, чьмъ ночь исчезнет же-
стокая,
Мною придется страдать!

А. Пуачев.

Маленький фельетонъ.

Картина.

Тихо качается лодка,
Плещет весло вдалекъ...
Чья-то скрипучая лягота
Тянетъ „по Волѣ рѣкъ“
Солнце за церковь садится,
Греяще полниница дровъ,
С Волгой-рѣчки несетъ
Запах коры и плотовъ.
Пробило „десять“ въ Соборъ,
Свистнула вдали паровозъ,
Улицей свѣромъ проѣхалъ
Мѣстный „душистый обозъ“
Чинъ полиційскій свѣрокардой,
Гдѣ-то успѣши поднять
Пьяна въ стельку субъекта—
Въ участѣ веетъ ночевать.
„Экъ вѣдь нарѣзались, бѣдны!“
Встрѣчный прохожій твердитъ,
И на твердѣнію участка
Самъ извѣдѣлья иллютъ.
Вотъ недавно раздался
Звонкій и сочный ударъ:
Это на чьемъ-то датылѣ
Свѣжину простила комаръ.
Слышина надробное слово
Мирно ложищему вслью:
„Иродъ.. жалачъ.. кровопийца!..“
„Вотъ тепѣ, чортъ, дармоѣдъ!,
Гдѣ-то сущій идетъ ики:
Мудѣкъ въ циркѣ играет—
Душу на части деретъ.
Чу! завопила галерка,
Воздухѣ крутомъ задрожалъ...
Видимо кто-то кого-то
„На дѣлѣ лопатки“ прижалъ.
Милая сердцу картина!
Думаю каждый изъ васъ
Ею, какъ я втихомолку,—
Самъ любовался не разъ.
Дядя Саша.

Хроника.

Отъѣздъ городского головы.

На днѣхъ вологодскій городской голова Н. А. Волковъ экстренно вызванъ телеграммой, выѣхалъ въ Петербургъ. По слухамъ поѣзда находится въ связи съ хлопотами обѣ открытии въ г. Вологдѣ судебнай палаты.

Ходятъ также слухи, что губернскій предводитель дворянства г. Нѣловъ

рыжѣлый бумажникъ, подавала его до-
чери.

— „На Глаша; я вотъ прикопила себѣ на гробъ, да възвы ужъ Богъ милостивъ, еще подастъ намъ бѣдѣмы. Покойничекъ то Ефимъ Ефимычъ старуху не забываетъ,—все, глядишь, и пошлетъ мало—мало!“

Дочь брала, какъ должное и, вынувъ деньги возвращала матери бумажникъ. И деньги уходили, таяли, пропадали въ банкахъ, покрывая огромные проценты; и въ короткіе мѣсячные перерывы давали небольшой, полный жуткаго страха, отдыхъ до новой повѣтки обѣ уплаты по векселю.

Часто въ зимнѣе вечера, сидя за прялкой, старуха рассказывала внуку о деревнѣ, о своей роднѣ, вспоминала прежнюю богатую жизнь и горько жаловалась:

— „Живъ бы быть Ефимъ Ефимычъ не то бы теперь было. Кто теперь старуху бѣдную пожалѣть. Дѣти сами всѣ для себя живутъ. Только вотъ Глаша, одна обѣ хлопочетъ-маститъ. Ты, думаешь, я не вижу?.. Она наклонялась къ внуку и, опуская на ниткѣ веретено, звонкимъ, почти истерическимъ шепотомъ твердила,—все вику; все знаю. Да, что я сдѣла,—гдѣ, мнѣ, старухѣ! Раззорили насы су-
посты, проклятые; дому то, поди чай, скоро опишутъ. Куды мы дѣваемся то?.. Горюшко, да и только! Старуха взды-
хала и ротъ ея кривился, а толстый подбородокъ начиналъ нервно вздраги-

С. С. Катинова, который при всѣхъ дефектахъ его дѣятельности, известенъ, какъ постоянный критикъ старыхъ порядковъ городского хозяйства, порядковъ яковлево-девятково - долгово - колычевскихъ? Почему нѣть честнѣйшаго старика и постоянного члена губернскай земской управы Михаила Николаевича Лаврова, почему нѣть старого общественнаго дѣятеля Алемпода Александровича Тарутина, почему нѣть присяж. повѣр. Константина Александровича Розанова, почему нѣть мѣстнаго историка Ивана Николаевича Суворова? Неужели же эти лица менѣе готовы „обновлять“ городское хозяйство, чѣмъ гг. Колыбинъ, Кондратьевъ, Девятковъ, Долговъ и другие?

Мы ничего не скажемъ противъ программы, выставленной гг. вологодскими обновленцами, мы подъ ней готовы подписаться обѣими руками, но лица, которыя выдаются за способныхъ обновить хозяйство, мы таковыми признаемъ по совѣсти не можемъ и поддерживать ихъ отказываемся.

Со своей стороны, мы предлагаемъ избирателямъ свой списокъ кандидатовъ въ гласные.

Избиратели.

Списокъ лицъ рекомендуемыхъ, группой избирателей Городской Думы въ качествѣ опытныхъ, дѣловыхъ городскихъ дѣятелей, участіе которыхъ обеспечиваетъ интересы широкихъ слоевъ городского населения:

Андреевъ Николай Николаевичъ.
Борисовъ Христофоръ Александровичъ.
Варакинъ Даніиль Федоровичъ.
Варакинъ Иванъ Федоровичъ.
Васильевъ Владимиръ Васильевичъ.
Васильевъ Владимиръ Николаевичъ.
Виноградовъ Алексѣй Михайловичъ.
Волковъ Николай Александровичъ.
Волковъ Георгій Николаевичъ.
Горбуновъ Алексѣй Васильевичъ.
Гусевъ Алексѣй Николаевичъ.
Гусевъ Василій Алексѣевичъ.
Данченко Михаилъ Григорьевичъ.
Девятковъ Дмитрий Кирилловичъ.
Деларовъ Дмитрій Ивановичъ.
Десъ Фонтенеистъ Петъръ Эдуардовичъ.
Евстаѳіевъ Михаилъ Афанасьевичъ.
Евстильевъ Павелъ Петровичъ.
Занинъ Семенъ Петровичъ.
Знаменскій Николай Васильевичъ.
Катиновъ Василій Васильевичъ.
Катрановъ Петръ Ивановичъ.
Клушинъ Иванъ Федоровичъ.
Коноплевъ Николай Дмитріевичъ.
Коньковъ Александръ Михайловичъ.
Копыловъ Федоръ Андреевичъ.
Котовъ Павелъ Петровичъ.
Курдявый Викторъ Андреевичъ.
Кутузовъ Дмитрій Алексѣевичъ.
Лавровъ Михаилъ Николаевичъ.
Линдеръ Фридрихъ Васильевичъ.
Мазалевъ Иванъ Ивановичъ.

Макаровъ Иванъ Александровичъ.
Мальчинскій Іосифъ Людвиговичъ.
Масленниковъ Николай Яковлевичъ.
Михайловъ Василій Сергѣевичъ.
Мурыгинъ Николай Николаевичъ.
Назаровъ Василій Федоровичъ.
Нѣловъ Александръ Николаевичъ.
Овечкинъ Федоръ Николаевичъ.
Пирошковъ Леонидъ Никитичъ.
Пономаревъ Михаилъ Евгениевичъ.
Прибытовъ Петръ Николаевичъ.
Прозоровъ Николай Павловичъ.
Пищеницынъ Афанасій Федоровичъ.
Раевский Ливеръ Викторовичъ.
Розановъ Константинъ Александровичъ.
Свѣшниковъ Владимиръ Ивановичъ.
Севастяновъ Григорій Степановичъ.
Сербянинъ Александръ Ивановичъ.
Сигорскій Николай Васильевичъ.
Сидоровъ Дмитрій Васильевичъ.
Смирновъ Иванъ Ивановичъ.
Сурововъ Иванъ Николаевичъ.
Селяво Гавріль Григорьевичъ.
Тарутинъ Алемподъ Ивановъ.
Титовъ Дмитрій Ивановичъ.
Товіевъ Петръ Алексѣевичъ.
Фроловъ Всеволодъ Ивановичъ.
Цѣвѣтъ Петръ Алексѣевичъ.
Цѣхъ Карль Фридриховичъ.
Шипулинъ Павелъ Ивановичъ.
Шустиковъ Андрей Алексѣевичъ.
Юшинъ Яковъ Яковлевичъ.

Помѣщая списокъ кандидатовъ въ гласные, редакція со своей стороны высказываетъ за этотъ списокъ. Въ немъ нѣть представителей исключительно одно партіи или течения, но изъ списковъ городскихъ избирателей, пovidимому, выбрано все, что можно выбрать дѣльного и работоспособнаго, независимо отъ направленій и симпатій. При нашемъ безлюдѣ инымъ прѣмомъ въ составленіи списка и нельзя пользоваться. Нѣть людей, это грустно, но фактъ.

ладу, пылкаго увлечения—оставалось для всѣхъ загадкой. Ее всегда видѣли вѣчно бѣгающей въ поискахъ денегъ; торопящейся къ сроку внести въ банкъ процентъ, говорящей о дѣлахъ. Она командовала прислугой, провѣряла паспортъ квартирнаго, наблюдала въ кухнѣ за приготовленіемъ обѣдовъ, нанимала плотниковъ и маляровъ для ремонта дома. И кругъ знакомыхъ еї былъ, главнымъ образомъ, дѣловой, нужный; купцы, торговцы, банковские и казначейскіе служащи, адвокаты, нотаріусы, полиція; словомъ всѣ тѣ, кто могъ быть полезнымъ въ ея денежныхъ оборотахъ и комбинаціяхъ. Здѣсь нужно переписать вексель, тамъ произвести учетъ; въ одномъ мѣстѣ не опоздать въ платежахъ, въ другомъ занять денегъ подъ новый вексель на уплату, выросшихъ процентовъ. Надо быть дружной съ кредиторами, чтобы не протестовали вексель, нужно просить пристава обождать со взысканіемъ городскихъ и земскихъ налоговъ. Вездѣ просить, занимать деньги, подавать руку тѣмъ, кого въ глубинѣ души презираешь, встрѣчаться съ людьми, которые противны, которыхъ не уважаешь, и въ долгія зимию ночи не спать и мучиться одной неотвязной думой о томъ какъ бы извернуться съ долгами, какъ сохранить домъ. Только ради сохраненія этой „развалины“, какъ называла Глаша родовое гнѣздо, только ради странной старушечьей прихоти матери, которую южасала и приводила въ трепетъ мысль

о потерѣ дома—только ради этой чудовищной, дикой, совсѣмъ безцѣльной „idée fixe“ страдала и мучилась она цѣлую жизнь, покоя и храны, поддерживая и сберегая старый домъ въ утѣшеніе старухъ матери. И такъ, втчение тридцати слишкомъ лѣтъ! Это была не жизнь, а огромный долговой кошмаръ. Тяжелый, длительный, беспокойный и страшный сонъ; губительный, разъѣдающій душу и тѣло процессъ умирания живого человѣка долгія годы за сохраненіе родового владѣнія, готоваго рухнуть каждую минуту, стать достояніемъ другихъ болѣе крѣпкихъ, денежныхъ людей.

Всѣ мысли, всѣ желанія Матрены Лукиниши за послѣдніе годы ея жизни сводились къ одному роковому вопросу. Что будеть если опишутъ и продадутъ старый ддомъ? Она такъ скисла, такъ сроднилась съ нимъ, съ этой столовой, „горкой“ съ серебромъ, съ посудой, со своимъ широкимъ диваномъ въ спальнѣ, образами и лампадами, что чувствовала, что не вынести, не пережить ей такого удара. Она смутно сознавала, что все равно конецъ долженъ когда нибудь наступить. И она боялась этой мысли, гнала ее и ободряла себя тѣмъ, что считая каждый вечеръ „полуночку“ съ постояльцами и почтежниками она отдастъ ихъ Глашѣ на уплату процентовъ. Отказывая себѣ, почти, въ самомъ необходимости, даже скопидомствуя, иногда, она радовалась какъ ребенокъ когда, вынувъ, изъ гардероба старый, по-

ПРИМѢЧ. Чаркой обращено особое вниманіе на исполненіе заказовъ верхнаго платья, чешей работы, для чего имѣю, я постоянно два закройщика изъ столицы. За хорошее исполненіе заказовъ фирма получаетъ отъ многихъ заказчиковъ очень лестные отзывы.

Поддѣльная забота объ общественномъ благѣ.

Въ 555 № «Волог. Листка» появился списокъ кандидатовъ въ городскіе гласные, которые по увѣренію ихъ обязались, не щадя живота своего, работать на пользу населенія, «служить и прямить» наиболѣе обездоленнымъ элементамъ населенія.

«Нѣсколько дѣятковъ избирателей» выступили съ программой «обновленія» городскаго хозяйства и первымъ долгомъ опубликовали списокъ гласныхъ, «выразившихъ свое согласіе проводить эту программу въ жизнь и, конечно, способныхъ къ такой работе».

Старое веденіе городскаго дѣла не годно. Нужно обновленіе городскаго хозяйства. Это святая истина, которую признаютъ на своей шкуре ежедневно и ежечасно городскіе обыватели. Вѣрно, что благоустройство города плохо, вѣрно, что седьмой годъ стоитъ непокрытымъ народный домъ, вѣрно, что такъ вести городское хозяйство невозможно и недопустимо, вѣрно, что общественнымъ дѣятелямъ, ведшимъ его до此刻 времени, надо показать, «отъ воротъ по воротъ».

Но же начинать обновленіе городскаго дѣла съ тѣми же самыми лицами, которые доселе его вѣди и которые семь лѣтъ не удосужились покрыть народный домъ и многие годы не производили вновь мощенія улицъ. Какъ называть обновленіе и усовершенствование городскаго хозяйства съ тѣми же городскими головами, съ тѣми же членами управы, съ тѣми же городскими секретаремъ?

А въ спискѣ гг. вологодскіхъ обновленцевъ значится и Николай Александровичъ Волковъ, нынѣшній городской голова, и Василий Васильевичъ Долговъ, и Александръ Александровичъ Девятковъ, бывшіе члены управы, и Александръ Александровичъ Кондратьевъ, бывшій городской секретарь, словомъ, тутъ на лицо весь прежній составъ управы, столь блестательно втчеченіе многихъ лѣтъ «обновлявшій городское хозяйство».

Когда читаешь въ спискѣ фамилии этихъ, почтенныхъ общественныхъ елей, то невольно напрашивается вопросъ: причемъ здѣсь обновленіе,

СТАРУХА.

(Изъ Вологодской жизни).

Въ старомъ дѣлѣ, на торговой пло-
щади, жили трое. Купеческая вдова Матрена Лукиниши, ся незамужняя, пожилая дочь Глаша и внучекъ Сережинъ, сынъ старшей дочери. Матрена Лукиниши было уже „на восьмой десятковъ“, какъ сама она говорила. Полина, бодрая еще на видъ, сохранившая, за свою долгую жизнь въ городѣ, почти, не тронутымъ свое крестьянское мѣровоз-
зрѣніе, и деревенскую, пѣвучую рѣчъ, она всегда умѣла держаться съ достоинствомъ въ обращеніи съ посторонними, поддерживая реномѣ купеческаго дома, и въ то же время была до крайности добра и мѧгкосердечна, чутко отзываясь на чужую бѣду и горе, помогая всегда, бѣдѣкамъ. Отпечатокъ города сказался на ней лишь въ томъ, что вмѣсто деревенской крапинки и ломотканыхъ сарафановъ она стала носить шерстяныи платья, городскую шубу на лисьемъ мѣху и покрывала голову черной наколкой. Хозяйственная дѣятельность ея по дому ограничивалась лишь печенѣемъ пироговъ, которые, когда живѣ былъ покойничекъ Ефимъ Ефи-
мъ чарѣ царство ему небесное, хвалили-

